

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800022749-9

**Механизм формирования темы в тексте
в представлении Б. В. Томашевского и Г. А. Шенгели
(по работам 1925 года)**

© 2022 г. С. И. Гиндин

Кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник,
директор Центра теории текста
и лингвистического обеспечения коммуникации
Российского государственного гуманитарного университета,
Россия, 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6
sigindin@gmail.com

Резюме. В лингвистике выявление задач, решение которых требует учета текстовых и дискурсивных явлений, началось в середине 1930-х годов. Но к этому времени ряд таких задач уже был обнаружен и описан в смежных областях гуманитарного знания и практики. В статье рассматривается одно из таких предвосхищений, сделанное одновременно выдающимися российскими теоретиками литературы Б.В. Томашевским и Г.А. Шенгели в ходе разработки методов описания композиции литературного произведения. Они показали, что формирование темы текста прямо связано с общностью значений предложений (Томашевский) или семантическим взаимодействием высказываний (Шенгели) внутри текста, и наметили подходы к анализу этого взаимодействия.

Ключевые слова: тема текста, механизм формирования темы, единство значений предложений, взаимодействие высказываний в речи, анализ композиции повествовательного произведения, лирическая композиция, непосредственные составляющие структуры текста, общее и различное в подходах Б.В. Томашевского и Г.А. Шенгели, предыстория лингвистической теории текста и анализа дискурса.

Для цитирования: Гиндин С.И. Механизм формирования темы в тексте в представлении Б.В. Томашевского и Г.А. Шенгели (по работам 1925 года) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 5. С. 100–109. DOI: 10.31857/S160578800022749-9

**Mechanism of Theme-Formation in a Text
as Represented by Boris Tomashevskij and Georgij Shengeli
(Based on the Works of 1925)**

© 2022 Sergei I. Gindin

Cand. Sci. (Philol.),
Leading Researcher,
Director of the Centre for Text Theory and Linguistic Communicative Support
of the Russian State University for the Humanities,
6 Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia
sigindin@gmail.com

Abstract. In the mid-1930s, linguists began to detect problems, which could not be solved without analysis of textual and discursive phenomena. Yet by that moment some of such problems had been already pointed out and considered in the adjacent fields of Humanitarian theory and practice. The article deals with one

of such anticipations made simultaneously by prominent Russian theorists Boris Tomashevskij and Georgij Shengeli in their studies of literary composition. They discovered that theme-formation in a text is based on the unity of meanings in neighboring sentences (Tomashevskij) or on semantic interaction of consecutive utterances (Shengeli).

Key words: theme of a text, mechanism of theme-formation, the unity of sentence meanings, interaction of utterances, analysis of narrative composition, lyric composition, immediate constituents in the structure of a text, similarities and distinctions between Tomashevskij's and Shengeli's approaches, the pre-history of textlinguistics and of discourse analysis.

For citation: Gindin, S.I. *Mekhanizm formirovaniya temy v tekste v predstavlenii B.V. Tomashevskogo i G.A. Shengeli (po rabotam 1925 goda)* [Mechanism of Theme-Formation in a Text as Represented by Boris Tomashevskij and Georgij Shengeli (Based on the Works of 1925)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 5, pp. 100–109. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800022749-9

Сближение имён Бориса Викторовича Томашевского и Георгия Аркадьевича Шенгели привычно для работ по русскому стиху и истории русского стиховедения. Отмечается, что в своих выдающихся исследованиях конца 1910-х – начала 1920-х годов¹ они первыми вслед за Андреем Белым развернули статистические исследования русской метрики (ср. [3, с. 21]), оба были первопроходцами в разработке вероятностных моделей стихотворных размеров [4, с. 12–13], их именами принято (см., напр., [5, с. 398]) обозначать две главные конкурирующие стратегии разметки ударений в русском стихе.

Но за пределами стиховедения встречать имена Томашевского и Шенгели рядом мне не доводилось. Удивляться этому не приходится: слишком различными были прочие области их профессиональной работы в русской культуре, места постоянного проживания и круг творческого общения.

Однако современников многое роднит помимо их воли, а различие областей работы не отменяет общности интересов и подходов. У Томашевского и Шенгели таким пожизненным общим предметом интересов оставалась поэзия (стих был лишь её частным аспектом). Общее легко заметить и в их исследовательском складе: оба были устремлены к теоретической систематике (ср. хотя бы замыслы их книг [2] и [6]) и созданию просветительских (в том числе учебных) компендиумов. Поэтому в их работах и за пределами стиховедения могут обнаружиться схождения и переклички, имеющие историко-научный интерес, а возможно, даже и научную актуальность.

Одну подобную точку схождения мне довелось в свое время обнаружить [7, с. 42–44] при исследовании предыстории лингвистической теории

¹ Статьи Томашевского были собраны (многие в доработанном виде) в итоговом сборнике [1]. Идеи и результаты Шенгели наиболее полно представлены в книге [2].

текста. Это мысли обоих ученых о том, как формируется тема текста, высказанные в их работах по анализу композиции художественных произведений, увидевших свет в 1925 году: разделе “Тематика” знаменитого учебника Томашевского по теории литературы [8]² и малоизвестной статье Шенгели “О лирической композиции” [9]³.

Обнародованные только в диссертации, эти наблюдения остались незамеченными и не вошли в научный обиход. Между тем, дальнейший опыт разработки и преподавания теории текста не только убедил меня в их справедливости, но и показал недостаточность моего первоначального анализа. Позитивный смысл предложений Шенгели был охарактеризован мною в основном верно. А построения Томашевского и, особенно, системные соотношения между подходами обоих авторов оказались раскрытыми неполно и нуждаются сегодня в дальнейшем исследовании и осмыслении.

Этому и посвящена предлагаемая статья.

1. Томашевский: общность темы возникает в процессе сочетания предложений

В “Теории литературы” Томашевского нет раздела “Композиция”, да и само слово *композиция* в оглавлении отсутствует. Есть, правда, производный термин *композиционная мотивировка*, но это лишь один из возможных видов мотивировок, присутствующий не во всех произведениях.

² В [7] я опирался на 5-е, исправленное издание 1930 года и только потом обнаружил, что все заинтересовавшие меня положения содержались (хотя не всегда в тех же местах текста) уже в первом издании. В дальнейшем тексте этой статьи все ссылки на “Теорию литературы” без указания на номер и год издания относятся именно к первому изданию.

³ В отличие от книги Томашевского статья Шенгели при жизни автора ни разу не переиздавалась.

Возможно, термин *композиция* не был нужен Томашевскому потому, что его внимание было сосредоточено преимущественно на устройстве повествовательных текстов, для описания которого было достаточно понятий фабулы, сюжета и связанных с ними.

Вопросы сюжетного построения вместе с жанровой проблематикой рассматриваются в книге в разделе “Тематика”. Для изучения структуры произведения подход “от темы” оказался, как я постараюсь показать, очень плодотворным.

Причина этой плодотворности в трактовке Томашевским заглавного понятия раздела — Темы. Начиная с учения об изобретении в античной риторике и до наших дней тема текста обычно рассматривалась либо как явление, которому посвящен текст (“роман о войне 12-го года”), либо как некоторый тезис, возникающий до текста и служащий исходной точкой создания текста⁴.

Хотя уже теоретики предыдущего поколения, в частности — Брюсов⁵, высказывали веские сомнения в применимости подобного представления о теме и текстопорождении к поэзии, Томашевский не думает от него отказываться⁶. Поэтому раздел “Тематика” открывается параграфом “Выбор темы”. Большая его часть посвящена таким безусловно внетекстовым факторам выбора, как “интерес” к теме со стороны будущих читателей, ее занимательность, актуальность, эмоциональная окрашенность и её оценочный потенциал [8, с. 133–135].

Но разговор о выборе темы возникает лишь с третьего абзаца параграфа. А в первых двух абзацах параграфа тема (и в первом, и во всех последующих изданиях) рассматривается с принципиально иных позиций: как явление, возникающее внутри произведения. На коротком, менее полустраницы, отрезке Томашевский успевает коснуться сразу четырех важных аспектов так понимаемой темы: механизма её образования, ее уровня характера, неизбежности её присутствия в речи и её связи с единством произведения.

⁴ Ср. о роли и месте темы в ломоносовском учении об изобретении [10, с. 31–33].

⁵ См. его работу 1914 г. “Поэзия и проза”, позднее включенную в состав цикла “Miscellanea” [11, с. 380–381], а также [12, с. 30].

⁶ Напомним, что Томашевский, продолжая ломоносовскую традицию, считал риторiku и поэтику двумя составными частями теории литературы [8, с. 5]. Кроме того, не надо забывать, что его учебник был рассчитан не только на будущих учёных, но и на начинающих писателей, для которых выбор темы был проблемой животрепещущей.

Для наглядности при цитировании разделю эти аспекты и представлю каждый из них отдельно.

1. **Механизм образования** темы Томашевскому видится так: “В художественном выражении отдельные предложения, сочетаясь между собой по их значению, дают в результате некоторую конструкцию, объединенную общностью мысли или темы. Тема (о чем говорится) является единством значений отдельных элементов произведений” [8, с. 133].

Как видим, Томашевский пытается поставить знак равенства между определяемым значением термина *тема* и традиционным его пониманием — то, “о чем говорится”. Но своё определение строит не через отсылку к внешнему миру, а через сочетаемость значимых единиц. При этом, поскольку минимальной из рассматриваемых единиц названо предложение, в поле зрения оказывается сочетаемость на более высоком уровне, нежели предельный для лингвистики 1920-х годов синтаксис предложения. Через десятилетия лингвисты назовут его синтаксисом целого текста⁷, а потом сверхфразовым уровнем⁸.

2. Из механизма образования вытекает **уровневый характер** темы. Очевидно, что с присоединением новых элементов тема может измениться. Томашевский специально оговаривает: “Можно говорить о теме всего произведения, о темах отдельных частей” [там же]. Это свойство также отличает тему, определённую Томашевским, от традиционного понимания темы как внетекстового объекта: тема в традиционном смысле бывает только у произведения в целом.

3. Механизм образования темы из сочетания значащих элементов обеспечивает, по Томашевскому, универсальность и **обязательность** её присутствия в речи: “Темой обладает каждое произведение, написанное языком, обладающим значением. Только заумное произведение не имеет темы, но потому-то оно и является не более, чем экспериментальным, лабораторным занятием...” [8, с. 133].

4. Наконец, возможность несовпадения темы некоторого сочетания предложений и темы части этого сочетания заставляет Томашевского ввести важный постулат о **связи тематического строения с единством произведения**: “Для того, чтобы словесная конструкция представляла единое произведение, в нем должна быть объединяющая тема,

⁷ Термин *текст* в заглавии отечественной лингвистической работы впервые появился в статье [13], а *синтаксис текста* еще через 12 лет, см. [14].

⁸ См., например, статью [15].

раскрывающаяся на протяжении произведения” [там же].

2. Тематическая структура произведения и ее минимальная единица в “Теории литературы” Томашевского

Приведенными цитатами исчерпывается всё сказанное Томашевским о природе темы и механизме её образования во вводном параграфе раздела “Тематика”.

Однако следующий параграф, “Фабула и сюжет”, открывается с возвращения к этому понятию: “Тема есть некоторое единство. Слагается оно из мелких тематических элементов, расположенных в известном порядке” [8, с. 136].

Этот короткий, из двух предложений, абзац на первый взгляд кажется введённым просто для связи с предыдущим параграфом и напоминания о выдвинутой там концепции темы. На деле это повторное изложение, существенно модифицированное, одновременно и обедняет, и дополняет сказанное в первом параграфе.

Обеднение связано с тем, что из повторной формулировки исчезло всякое упоминание о механизме образования темы. Тема теперь предстает как некоторый уже существующий объект (“единство”), неизвестно как возникший и характеризующий лишь одним из ранее описанных свойств: уровневый строением. При этом составляющие ее более мелкие элементы теперь не соотносятся с единицами, изучаемыми в другой науке (предложениями), их “тематичность” попросту постулируется.

А существенным новшеством формулировки, открывавшей второй параграф, были слова об “известном порядке” расположения “мелких тематических элементов”. В теме становящейся, возникающей из сочетания предложений, порядок задавался самим процессом сочетания. В теме, рассматриваемой как готовый объект, этот порядок нужно было предусмотреть как возможный фактор различения тем.

Оба отмеченных отличия вступительной формулировки второго параграфа оказались в нем работающими стимулами. Дополнение используется немедленно и совершенно осознанно: один из типов расположения определяется как фабульный (в противоположность бесфабульному), а в фабульных произведениях вводится разграничение фабулы и сюжета [8, с. 136–137].

Но затем, прервав разговор о фабуле и сюжете, Томашевский вновь возвращается к общему понятию темы. Видимо, упрощенная, лишенная

указаний на принцип темообразования формулировка вводного абзаца не до конца устраивала его самого. Первая фраза нового пассажа как будто обещает обсуждение именно процесса образования темы, недаром статическое “есть единство” заменено в ней причастиями действительного залога: “Понятие темы есть понятие **суммирующее**⁹, объединяющее словесный материал произведения” [8, с. 137].

Но Томашевский неожиданно меняет угол зрения и направление обсуждения. Если во вводном параграфе рассматривалось именно объединение, “суммирование” предложений, то теперь он, отправляясь от уже отмеченного там уровневого характера темы, начинает говорить о распределении “суммы” между “слагаемыми”. Фактически вместо образования темы текста нам предлагается описание процедуры её анализа, выявления в тексте.

Эта процедура получает у Томашевского название “разложения”: “Тема может быть у всего произведения, и в то же время каждая часть произведения обладает темой. Такое выделение из произведения частей, объединяющих каждую часть (sic! — С.Г.) особо тематическим единством, называется разложением произведения” [там же].

Пример приводится повествовательный и, конечно же, из Пушкина: «Так, повесть Пушкина “Выстрел” разлагается на историю встреч рассказчика с Сильвио и графом, и на историю столкновения Сильвио с графом. В свою очередь первое разлагается на историю жизни в полку и на историю жизни в деревне, второе — на первую дуэль Сильвио с графом и на последнюю их встречу» [там же].

Иллюстративный разбор “Выстрела” на этом четырехчастном разложении обрывается. Но Томашевский не сомневается, что разложение нужно и, главное, можно продолжать до его естественного предела на нижних этажах текста: “Путем такого разложения произведения на тематические части мы наконец доходим до частей **неразлагаемых**, до самых мелких дроблений тематического материала. <...> Тема неразложимой части произведения называется **мотивом**” [там же].

Определению мотива предшествуют у Томашевского примеры “неразлагаемых частей”: *Наступил вечер, Раскольников убил старуху, Герой умер, Получено письмо*. Как видим, все это языковые единицы, притом такие, структура которых

⁹ Здесь и далее все смысловые выделения в цитатах (передаваемые полужирным шрифтом) принадлежат цитируемому авторам.

в тогдашнем языкознании была уже хорошо изучена: простые предложения.

И действительно, Томашевский завершает описание процедуры разложения произведения принципиальным тезисом: “В сущности — каждое предложение обладает своим мотивом” [там же]. Характеристика образования темы в первом параграфе начиналась с взаимодействия предложений. Теперь процедура анализа темы заканчивается на предложении.

Лингвистический характер и существенное сходство обоих построений очевидны. Но есть и немаловажное различие. При образовании темы, согласно § 1, значения предложений служат для неё лишь строительным материалом, в каждом отдельном предложении темы ещё нет, она возникает только при их соединении. А согласно § 2, каждое предложение является элементарной единицей “тематического материала” и обладает своей темой, по-видимому, постоянной, не зависящей от соседей.

Осознавал ли Томашевский это противоречие между построениями двух начальных параграфов раздела “Тематика”, мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Но несомненно, что для него было значимо совпадение отправной точки образования и конечной точки анализа темы произведения, а также сугубо лингвистический статус единицы, находящейся в общей точке, — предложения.

Впервые открыв для себя эти построения Томашевского, я увидел его “историческую заслугу” именно в указании на то, что разложение произведения на тематические части должно “доводиться до предложения” [7, с. 43]. Сегодня такая оценка построений параграфа “Фабула и сюжет” представляется хотя и верной, но неполной и недостаточной.

Не меньшей его исторической заслугой была сама идея поуровневого деления на тематически обособленные части и набросок описания процедуры такого деления. Пусть разбор композиции пушкинского “Выстрела” обрывается на интуитивно очевидных единицах второго уровня деления. Для учебного пособия этого было достаточно, к тому же тогдашнее языковедение не могло предложить и намёка на сколь-нибудь четкие критерии деления частей. Но предположим на месте “Выстрела” какое-нибудь короткое произведение из четырех попарно группирующихся предложений — ну хотя бы пушкинскую миниатюру “Золото и булат”. И окажется, что двух операций деления, аналогичных проведенным Томашевским для “Выстрела”, достаточно для полного представления структуры этого стихотворения от уровня текста до уровня предложения.

Поэтому не будет преувеличением сказать, что описанное Томашевским разложение произведения на тематически обособленные части было едва ли не первым проектом выделения и представления сверхфразовой структуры целого текста. Томашевский прозорливо увидел, что единицы этой структуры строятся и отделяются друг от друга на основе общности и различия тем¹⁰. А описанная им процедура разложения обеспечивала удобный и наглядный способ представления структуры текста в виде дерева, вполне аналогичного предложенному много позднее Рулоном Уэлзом [18] представлению синтаксической структуры предложения через непосредственные составляющие¹¹.

Мы видим, что если в параграфе “Выбор темы” наиболее важным было указание на факт взаимодействия соседних предложений на основе их семантики, то в параграфе “Фабула и сюжет” в поле зрения Томашевского оказались структура произведения как целого и образующие ее сверхфразовые единицы. Таким образом, Томашевским так или иначе были охвачены все три уровня организации, которые будут впоследствии выделены в тексте в ходе его систематических лингвистических исследований¹².

3. Шенгели: тема как результат «взаимодействия» высказываний

По своему предмету и задачам статья Шенгели [9] в известной степени полярна рассмотренному нами разделу из учебника Томашевского.

Предмет Томашевского — тематика, а преимущественная сфера внимания — повествовательные тексты. Слово “композиция”, как мы помним, в его словаре отсутствует, а лирика, целиком отнесенная к “бесфабульному” типу произведений [8, с. 136], поневоле оказывается на периферии.

Шенгели сразу выбирает своим предметом исследования именно композицию. Он в курсе исследований композиции разнообразных типов текстов и в коротеньком вводном обзоре сетует,

¹⁰ Впоследствии отечественным исследователям потребовалось больше двух десятилетий, чтобы осознать, что постулированные в 1947–48 гг. Н.С. Пospelовым (см., напр., [16]) единицы, большие, чем предложение, возникают и расподобляются в речи именно на тематической основе, см. [17, с. 352–353].

¹¹ Попытку построить дерево непосредственных составляющих для целого текста с выявлением составляющих на основе собственно тематических критериев см. в [19, с. 141–144].

¹² Ср. деление на уровни межфразовых связей, единиц, промежуточных между предложением и текстом, и текста в целом, положенное в основу систематизации, в обзоре [17].

к примеру, что Л.П. Гроссман, В.Б. Шкловский, М.А. Петровский “свое внимание отдают прозе” [9, с. 97]. Многое из предлагаемого в его статье применимо и за пределами лирики, недаром он, разъясняя систему “ярусов композиционного строя”, пример явления низшего, “ограничительного” уровня приводит из “Преступления и наказания” [9, с. 104].

Но его цель и его боль — композиция именно лирическая. Она не только меньше изучается в науке: “...одни исследователи (Жирмунский) скользят по скорлупе вопроса; другие (Вал. Гливенко) не публикуют интереснейших опытов”. Ещё болезненнее для Шенгели композиционная катастрофа в современной поэзии: “<...> большинство ныне пишущих стихотворцев понятия не имеют о том, что есть композиция: редкое стихотворение нельзя прочитать (без ущерба) снизу вверх, или переставив строфы <...>” [9, с. 97].

Однако парадоксальным образом именно полярность исходных точек и устремлений привела обоих исследователей к встрече и к существенной общности решений. Точкой встречи оказалось явление темы, её природа и механизм образования.

В статье Шенгели, если не считать короткого, на страничку, введения, четыре пронумерованных раздела с четкими заголовками. Теоретическому уяснению явления темы посвящены два средних из них. Их заголовки не содержат литературоведческих терминов, а только лингвистические и философские, и носят характер программных тезисов: “Отдельные высказывания не имманентны себе” и “Двусторонность высказываний”.

Действительно, для Шенгели всякое “произведение слова есть развертывающаяся во времени последовательность высказываний”. В этой последовательности “каждое высказывание — будь то логическая формула, эмфатический выклик, чувственный или моторный образ, — неизбежно вступают во взаимодействие с предыдущими или последующими...”.

Я нарочно прервал цитирование второго раздела статьи Шенгели, не закончив предложения. До сих пор всё процитированное носило общелингвистический характер и применимо к любым “произведениям слова”, включая и нехудожественные. Поэтому читатель ждет, что и продолжение о взаимодействии высказываний будет столь же общеприменимо.

Но у Шенгели неожиданно проскальзывает отсылка к тому конкретному виду произведений, которому посвящена статья: “...и лирический

смысл их (высказываний — С.Г.) совокупности возникает именно из этого взаимодействия, — как искра проскакивает при сближении двух кондукторов электрической машины” [9, с. 100].

Что это за смысл возникает из взаимодействия высказываний, читателю разъясняется в следующем разделе статьи. В нем Шенгели опять ведёт разговор о высказываниях любого рода, а не только о лирических. Чтобы объяснить появление при взаимодействии высказываний какого-то дополнительного смысла, он вводит представление о принципиальной семантической двусторонности высказываний: “В каждом высказывании обязательно наличествуют эти две стороны: содержание и устремление”. Содержание высказывания постоянно, “... устремление же становится явным из сопоставления с другими высказываниями” [9, с. 101–102] и поэтому будет различаться в разных произведениях.

Шенгели предлагает “называть содержание — **фабулой**”, а “устремление — **темой**” [9, с. 102]. И тут же демонстрирует, как одинаковая фабула может становиться “источком различных тем”: “Фабула осенней непогоды в сопоставлении с фабулой пылающего камина и ковров прорастает темой уюта; в сопоставлении с фабулой шагающего по пустырям бродяги прорастает темой бездомности; в сопоставлении с фабулой весеннего неба — темой тоски об ушедшем и милом былом, и т.д.” [там же].

То, что в примерах даются не конкретные высказывания, а некие ситуации, напоминает нам, что автор предложенной теории темы не лингвист, да и вообще сначала художник, а уж потом учёный. Возможно к тому же, что в этой теории есть следы воздействия нарождающегося киноискусства с характерным для него монтажом. Тем не менее, это вполне состоятельная теория, и притом общелингвистической природы, так как никаких специфических признаков высказываний лирических в ней нет.

Родство этой теории Шенгели со сказанным про образование темы Томашевским очевидно, достаточно заменить слово “высказывания” на слово “предложения”, а “взаимодействие” на “сочетание”. Но Шенгели убедительнее и в демонстрации, поскольку приводит примеры взаимодействия, и в объяснении — благодаря расщеплению того, что Томашевский называл “значением” предложения [8, с. 133], на фабулу и тему.

Предложенное Шенгели применение слова “фабула” к отдельному предложению при всей нетрадиционности вполне согласуется с его употреблением в работах формальной школы, зафиксированным, в частности, и в учебнике

Томашевского: “Фабулой называется совокупность событий, <...> о которых сообщается в произведении” [8, с. 137]. Очевидно, что если всё произведение будет состоять из одного предложения, то совокупность событий и сведется к содержанию этого предложения, т.е. к фабуле по Шенгели.

В то же время благодаря разграничению фабулы и темы высказывания у Шенгели не может возникнуть противоречие, подобное тому, что наблюдается, как отмечалось в конце предыдущего раздела, между трактовками темы в параграфах “Выбор темы” и “Фабула и сюжет” у Томашевского. Коль скоро тема не может обнаружиться в высказывании, пока не заданы его соседи по произведению, то отдельное предложение не может раз и навсегда получить статус мельчайшего “дробления тематического материала”, как то получалось у Томашевского [там же]. Оно окажется таковым только там, где у него нет ощутимой семантической связи с соседями, во всех же остальных случаях минимальная единица “тематического дробления” произведения будет состоять более чем из одного предложения. Такой вывод из определений Шенгели находит полное подтверждение в позднейших лингвистических исследованиях сверхфразовой структуры текста.

4. Противоположность и взаимодополнительность подходов к описанию композиции у Томашевского и Шенгели

Несмотря на небольшой объём, статья Шенгели необычайно насыщена. К тому же многое в ней, особенно в самом большом четвёртом разделе “Четыре яруса композиционного строя”, не сформулировано, а лишь продемонстрировано в ходе разбора конкретных примеров или намечено с помощью отсылок к классическим произведениям. Поэтому, откладывая полный анализ сказанного в ней о композиции, я ограничусь здесь только теми моментами, что находятся в определенном соотношении с рассмотренным выше во втором разделе “разложением произведения” по Томашевскому.

Первое, что бросается в глаза в статье Шенгели, если читаешь её после Томашевского, это отсутствие постулатов типа “Для того, чтобы словесная конструкция представляла единое произведение, в ней **должна** быть объединяющая тема...” [8, с. 133]. Шенгели эмпирик, он знает: “Все стихотворение **может** быть пронизано одной темой...” [9, с. 105]. Но не менее распространены и характерны стихотворения с двумя темами, причем между этими темами могут устанавливаться отношения существенно разных типов, равно иллюстрируемых отсылками к хрестоматийным вещам Тютчева [9, с. 105–106]. Существуют стихотворения

с тремя и четырьмя равноправными темами. Четырехтемная композиция, характерная для сонетов и французских баллад, является, по мнению Шенгели, самой сложной из возможных, но и тут он добавляет оговорку: “обычно” [9, с. 106] (ср. далее о “побочных темах”).

Коль скоро единая “тема, раскрывающаяся на протяжении произведения” [8, с. 133], перестает быть обязательной принадлежностью произведения, то не возникает предпосылок для единообразного анализа его композиционного строения по типу “разложения” у Томашевского. Анализ композиции стихотворений у Шенгели всегда ведётся снизу — через выявление тем и установление отношений между ними.

Тема, таким образом, оказывается основной единицей анализа и описания композиции. При этом молчаливо предполагается возможность отождествления разных вхождений, или, как говорит Шенгели, разных “фабул” одной “темы”. Только при этом допущении возможен замечательно тонкий анализ стихотворения Бальмонта “Она отдалась без упрека...” не как шестичастного построения, а как “классической параллельной диады”, в которой двуступица попеременно относятся то к первой теме “любовной беззаветности”, то ко второй теме “чарующей окружающей обстановки” [9, с. 107–108].

Сравнение разных фабул темы и установление отношений между темами дают Шенгели возможность объяснить выбор порядка композиционных единиц там, где теоретически возможно было бы иное их расположение, ср., например, эксперимент с переворачиванием упомянутого стихотворения Бальмонта, в результате которого напрочь исчезла градация внутри каждой из тем [9, с. 108–109]. А в “Сонете” Пушкина (“Суровый Дант не презирал сонета...”) разнесение имен поэтов по обобщенным темам позволило объяснить порядок появления этих имён и их группировку по строфам [9, с. 110–113].

Таким образом, вскрыть и объяснить порядок тематических элементов шенгелиевский анализ “снизу” от отдельных тем и фабул позволяет не хуже, чем подход Томашевского “сверху” от обязательной объединяющей темы произведения.

В чем он определенно уступает подходу Томашевского — это в демонстрации иерархических отношений, иерархической соподчиненности соседних частей произведения. Но зато его сила в установлении линейных связей и переключек между отдаленными и, возможно, по-разному подчиненными сегментами. Чего стоит одно только объединение в “побочную тему” в “Памятнике” Пушкина находящихся в разных

строфах указаний на длительность памяти о художнике и о гражданине [9, с. 106]!

Не исключено, что преимущественное внимание Томашевского к иерархическому, а Шенгели к линейному разворачиванию композиции определялось различием интересовавших их типов текстов. Но развитие лингвистики текста сняло жесткое противопоставление этих походов и показало их взаимодополнительность. В композиции всякого достаточно хорошо построенного и длинного текста сочетаются два аспекта: преемственность и развитие, непрерывность и дискретность. И для того, чтобы охватить эти аспекты, нужны одновременно и подход, восходящий к Шенгели, и подход, восходящий к Томашевскому.

5. Место открытий Томашевского и Шенгели в современной им науке и в историко-научной перспективе

Проведенный анализ позволяет констатировать между публикациями Томашевского и Шенгели 1925 года следующие предметные и методические сходства:

1. Оба они поставили вопрос о теме как внутритекстовом явлении и вскрыли механизм её формирования в произведении.
2. Оба они, хотя и по-разному, положили понятие темы в основу процедуры выявления и представления композиции произведения.
3. Оба они построили свои определения и процедуры на базе лингвистических понятий (предложение, высказывание, значение).

Как были восприняты эти находки обоих авторов в тогдашней российской науке? Насколько она была к ним готова? Не имея возможности провести подробное обследование откликов, приведем лишь несколько выразительных примеров реакции на более заметную и распространённую книгу Томашевского.

Начнем с представителя, так сказать, “антилингвистического” фланга тогдашней поэтики. П.Н. Медведев, по выходе книги оценивший ее как “первый у нас опыт систематического изложения в научном плане теории литературы”, именно про раздел “Тематика” сказал, что он “очень неудачен” [20, с. 299]. А три года спустя в своей знаменитой книге, процитировав сказанное Томашевским в начале параграфа “Выбор темы”, резюмировал: “Определение Томашевского представляется нам в корне неверным. Нельзя строить тематическое единство произведения как сочетание значений его слов и предложений. <...>

С помощью языка мы овладеваем темой, но никак не должны включать ее в язык как его элемент” [21, с. 147]. Внимательному читателю данной статьи вряд ли надо объяснять, что Томашевский, равно как и Шенгели, и не думал “включать тему в язык”: в языке нет и не может быть сочетания предложений, оно возникает только в конкретном словесном произведении, т.е. в тексте.

Но и коллеги по условному “лингвистическому флангу” предложений Томашевского не оценили. Методологические позиции В.М. Жирмунского и Томашевского и их подходы к тематике принято сближать и даже объединять [22, с. 11–14, 17]; [23, с. 321]¹³. Но, переиздавая в 1928 году знаменитые “Задачи поэтики”, Жирмунский сохранил привязку темы к языковой единице более низкого уровня: “Каждое слово, имеющее вещественное значение, является для художника поэтической темой” [24, с. 42]. При этом он не нашел нужным дать хотя бы ссылку на существенно отличающееся определение Томашевского. Единственная известная мне попытка опереться на некоторые из положений Томашевского была сделана в работе [25], опубликованной журналом “Родной язык в школе” и принадлежавшей, по-видимому, молодому исследователю¹⁴.

Таким образом, идеи Томашевского и Шенгели оказались в целом не воспринятыми и даже не понятыми в тогдашней российской науке о литературе. И это неудивительно, ибо у их находок было, кроме трех выше сформулированных общих свойств, еще одно:

4. Лингвистические явления, с которыми связывали формирование темы оба автора: сочетание и взаимодействие предложений (высказываний) в речи, — не изучались языковедением 1920-х годов и не имели ещё статуса научного понятия.

Время систематического изучения текста и связной речи (дискурса) как особых лингвистических — но не языковых — объектов придет позже, в последние годы жизни Томашевского и Шенгели. И в историко-научной перспективе оба они должны быть признаны не только авторами отдельных открытий в поэтике, но и предтечами [26] одного из важнейших направлений лингвистики второй половины XX и начала XXI века. Думаю даже, что кое-что из найденного ими нам еще только предстоит осмыслить и объяснить.

¹³ Оба историографа при этом, по-видимому, развивают высказанное вскользь и без мотивировок в [21, с. 147].

¹⁴ Все попытки получить какие-либо сведения об авторе и узнать хотя бы его (или ее?) имя оказались безуспешными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Томашевский Б.В.* О стихе. Л.: Прибой, 1929.
2. *Шенгели Г.А.* Трактат о русском стихе. Ч. 1. Органическая метрика / Изд. 2-е. Пг.: Гиз, 1923.
3. *Гаспаров М.Л.* Современный русский стих: Метрика и ритмика. М.: Наука, 1974.
4. *Гаспаров М.Л.* А.Н. Колмогоров в русском стиховедении // *Колмогоров А.Н.* Труды по стиховедению. М.: Издательство МЦНМО, 2015.
5. *Колмогоров А.Н., Прохоров А.В.* К основам русской классической метрики // Содружество наук и тайны творчества / Под ред. Б.С. Мейлаха. М.: Искусство, 1968. С. 398. (То же / [Изд. 2-е] // Колмогоров А.Н. Труды по стиховедению. М., 2015).
6. *Томашевский Б.В.* Русское стихосложение: Метрика. Пг.: Academia, 1923.
7. *Гиндин С.И.* Внутренняя организация текста: Элементы теории и семантический анализ. Диссертация ... кандидата филол. наук / Моск. пед. институт иностранных языков. М., 1972.
8. *Томашевский Б.В.* Теория литературы (Поэтика). Л.: Госиздат, 1925.
9. *Шенгели Г.А.* О лирической композиции // Проблемы поэтики: Сборник статей под редакцией В.Я. Брюсова. М.; Л.: Земля и фабрика, 1925. С. 95–113.
10. *Гиндин С.И.* Что знала риторика об устройстве текста? Часть 2 // Риторика. 1996. № 1 (3).
11. *Брюсов В.Я.* Miscellanea // Брюсов В.Я. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6. М., 1975.
12. *Гиндин С.И.* Вклад Валерия Брюсова в теорию русской поэтической речи // Русский язык в школе. 1973. № 6.
13. *Фигуровский И.А.* Пунктуация целого текста // Русский язык в школе. 1936. Вып. 5.
14. *Фигуровский И.А.* От синтаксиса предложения к синтаксису целого текста // Русский язык в школе. 1948. № 3.
15. *Hendricks W.O.* On the notion 'Beyond the sentence' // Linguistics. 1967. V. 37.
16. *Поспелов Н.С.* Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры // Доклады и сообщения Ин-та русского языка. Вып. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
17. *Гиндин С.И.* Советская лингвистика текста: Некоторые проблемы и результаты (1948–1975) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1977. Т. 36. Вып. 4.
18. *Wells R.* Immediate constituents // Language. 1947. V. 23.
19. *Гиндин С.И.* Анализ структуры текста стихотворения Н.А. Некрасова "Смолкли честные, доблестно павшие..." с помощью семантического словаря // Материалы научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н.А. Некрасова / Ярославский пед. ин-т. Ярославль, 1973.
20. *Медведев П.Н.* [Рец. на кн.:] Томашевский Б.В. Теория литературы (Поэтика). Л., 1925 // Звезда. 1925. № 3 (9).
21. *Медведев П.Н.* Формальный метод в литературоведении. М.: Лабиринт, 1993 (1-е изд. Л., 1928).
22. *Тамарченко Н.Д.* "Поэтика" Б.В. Томашевского и её судьба // *Томашевский Б.В.* Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 1996.
23. *Бройтман С.Н.* Комментарий // *Томашевский Б.В.* Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 1996.
24. *Жирмунский В.М.* Задачи поэтики // *Жирмунский В.М.* Вопросы теории литературы. Л.: Academia, 1928.
25. *Гольденберг Г.* Понятия темы, мотива и сюжета // Родной язык в школе. 1927. Кн. 2. С. 41–51.
26. *Гиндин С.И.* Российское предвосхищение понятия изотопии: Георгий Шенгели // Современная семиотика в приложении к гуманитарным наукам: Международная научная конференция... посвященная 90-летию А.Ж. Греймаса. М., 2007. С. 64–65.

REFERENCES

1. Tomashevsky, B.V. *O stikhe* [On Verse]. Leningrad, Priboj Publ., 1929. (In Russ.)
2. Shengeli, G.A. *Traktat o russkom stikhe. Ch. 1. Organicheskaya metrika. Izd. 2-e* [A Treatise on Russian Verse. Part 1. Organic Metrics. The 2nd Ed.]. Petrograd, Giz Publ., 1923. (In Russ.)
3. Gasparov, M.L. *Sovremennyj russkij stikh: Metrika i ritmika* [Modern Russian Verse: Metrics and Rhythmics]. Moscow, Nauka Publ., 1974. (In Russ.)
4. Gasparov, M.L. *A.N. Kolmogorov v russkom stikhovedenii* [Kolmogorov in Russian Verse Studies]. Kolmogorov, A.N. *Trudy po stikhovedeniyu* [Works on Versification]. Moscow, Izdatelstvo MCNMO Publ., 2015. (In Russ.)
5. Kolmogorov, A.N., Prokhorov, A.V. *K osnovam russkoj klassicheskoy metriki* [To the basics of Russian Classical Metrics]. *Sodruzhestvo nauk i tajny tvorchestva. Pod red. B.S. Mejlakha* [The Commonwealth of Sciences and the Secrets of Creativity. Edited by B.S. Meilakh]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1968, p. 398. (In Russ.)
6. Tomashevsky, B.V. *Russkoe stikhoslozhenie: Metrika* [Russian Versification: Metrical]. Petrograd, Academia Publ., 1923. (In Russ.)
7. Gindin, S.I. *Vnutrennyaya organizaciya teksta: Elementy teorii i semanticheskij analiz. Dissertaciya ... kandidata filol. nauk* [Internal Organization of the Text: Elements of Theory and Semantic Analysis. Dissertation... Candidate of Philological Sciences].

- Moscow, Mosk. ped. institut inostrannykh yazykov Publ., 1972. (In Russ.)
8. Tomashevsky, B.V. *Teoriya literatury (Poehtika)* [Theory of Literature (Poetics)]. Leningrad, Gosizdat Publ., 1925. (In Russ.)
 9. Shengeli, G.A. *O liricheskoy kompozitsii* [On Lyrical Composition]. *Problemy poetiki: Sbornik statej pod redaktsiej V.Ya. Bryusova* [Problems of Poetics: A Collection of Articles Edited by V.Ya. Bryusov]. Moscow, Leningrad, Zemlya i fabrika Publ., 1925, pp. 95–113. (In Russ.)
 10. Gindin, S.I. *Chto znala ritorika ob ustrojstve teksta? Chast 2* [What did Rhetoric Know About the Structure of the Text? Part 2]. *Ritorika* [Rhetoric]. 1996, No. 1 (3). (In Russ.)
 11. Bryusov, V.Ya. *Miscellanea. Bryusov, V.Ya. Sobranie sochinenij: V 7 t. T. 6* [Collected Works: In 7 vols. Vol. 6]. Moscow, 1975. (In Russ.)
 12. Gindin, S.I. *Vklad Valerija Bryusova v teoriyu russkoy poeticheskoy rechi* [Contribution of Valery Bryusov to the Theory of Russian Poetic Speech]. *Russkij yazyk v shkole* [Russian Language at School]. 1973, No. 6. (In Russ.)
 13. Figurovsky, I.A. *Punktuaciya celogo teksta* [Punctuation of the Whole Text]. *Russkij yazyk v shkole* [Russian Language at School]. 1936, Iss. 5. (In Russ.)
 14. Figurovsky, I.A. *Ot sintaksisa predlozheniya k sintaksisu celogo teksta* [From Sentence Syntax to Whole Text Syntax]. *Russkij yazyk v shkole* [Russian Language at School]. 1948, No. 3. (In Russ.)
 15. Hendricks, W.O. On the notion 'Beyond the sentence'. *Linguistics*. 1967, V. 37.
 16. Pospelov, N.S. *Slozhnoe sintaksicheskoe celoe i osnovnye osobennosti ego struktury* [A Complex Syntactic Whole and the Main Features of its Structure]. *Doklady i soobshcheniya In-ta russkogo yazyka. Vyp. 2* [Reports and messages of the Russian Language Institute. Iss. 2]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1948. (In Russ.)
 17. Gindin, S.I. *Sovetskaya lingvistika teksta: Nekotorye problemy i rezultaty (1948–1975)* [Soviet Text Linguistics: Some Problems and Results (1948–1975)]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR. Studies in Literature and Language]. 1977, Vol. 36, No. 4. (In Russ.)
 18. Wells, R. *Immediate constituents*. *Language*. 1947, V. 23.
 19. Gindin, S.I. *Analiz struktury teksta stikhotvoreniya N.A. Nekrasova "Smolkli chestnye, doblestno pavshie..." s pomoshchyu semanticheskogo slovarya* [Analysis of the Structure of the Text of N.A. Nekrasov's Poem "Smolkli chestnye, doblestno pavshie..." with the Help of a Semantic Dictionary]. *Materialy nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 150-letiyu so dnya rozhdeniya N.A. Nekrasova. Yaroslavskij ped. in-t* [Materials of a Scientific Conference Dedicated to the 150th Anniversary of the Birth of N.A. Nekrasov]. Yaroslavl, 1973. (In Russ.)
 20. Medvedev, P.N. *[Rec. na kn.:] Tomashevskij B.V. Teoriya literatury (Poehtika). L., 1925* [[Rev. on the Book:] Tomashevsky, B.V. Theory of Literature (Poetics). Leningrad, 1925]. *Zvezda* [The Star]. 1925, No. 3 (9). (In Russ.)
 21. Medvedev, P.N. *Formalnyj metod v literaturovedenii* [The Formal Method in Literary Studies]. Moscow, Labirint Publ., 1993 (*1-e Izd. L., 1928* [The 1st Ed. Leningrad, 1928]). (In Russ.)
 22. Tamarchenko, N.D. *"Poehtika" B.V. Tomashevskogo i eyo sudba* ["Poetics" of B.V. Tomashevsky and its Fate]. Tomashevsky, B.V. *Teoriya literatury. Poehtika* [Theory of Literature. Poetics]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1996. (In Russ.)
 23. Brojtmann, S.N. *Kommentarij* [Commentary]. Tomashevsky, B.V. *Teoriya literatury. Poehtika* [Theory of Literature. Poetics]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1996. (In Russ.)
 24. Zhirmunsky, V.M. *Zadachi poehtiki* [Tasks of Poetics]. Zhirmunsky, V.M. *Voprosy teorii literatury* [Topics of the Theory of Literature]. Leningrad, Academia Publ., 1928. (In Russ.)
 25. Goldenberg, G. *Ponyatiya temy, motiva i syuzheta* [Concepts of Theme, Motive and Plot]. *Rodnoj yazyk v shkole* [Native Language at School]. 1927, Book 2, pp. 41–51. (In Russ.)
 26. Gindin, S.I. *Rossijskoe predvoskhishchenie ponyatiya izotopii: Georgij Shengeli* [Russian Anticipation of the Concept of Isotopy: Georgy Shengeli]. *Sovremennaya semiotika v prilozhenii k gumanitarnym naukam: Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya... posvyashchennaya 90-letiyu A.Zh. Grejmasa* [Modern Semiotics in the Application to the Humanities: International Scientific Conference... Dedicated to the 90th Anniversary of A.J. Greimas]. Moscow, 2007, pp. 64–65. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 25 июля 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 21 августа 2022 г.

Статья принята к публикации: 31 августа 2022 г.

Дата публикации: 31 октября 2022 г.

Received by Editor on July 25, 2022

Revised on August 21, 2022

Accepted on August 31, 2022

Date of publication: October 31, 2022